

1744—1745. КОРФУ — КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ТОМ II

ГЛАВА IV

Смешная встреча в Орсаре. Путешествие на Корфу.

В Константинополе. Бонваль. Возвращение на Корфу.

Г-жа Ф. Принц-самозванец. Бегство с Корфу.

Проказы на острове Казопо. Я сажусь под арест на Корфу.

Скорое освобождение и торжество. Мой успех у г-жи Ф.

Глупая служанка много опасней, нежели скверная, и для хозяина обременительней, ибо скверную можно наказать, и поделом, а глупую нельзя: такую надобно прогнать, а впредь быть умнее. Моя извела на обертки три тетради, в которых подробнейшим образом описывалось все то, что я собираюсь изложить в главных чертах здесь. В оправдание она сказала, что бумага была испачканная и исписанная, даже с помарками, а потому она решила, что лучше употребить в хозяйстве ее, а не чистые и белые листы с моего стола. Когда б я хорошенько подумал, я бы не рассердился; но гнев первым делом как раз и лишает разум способности думать. Хорошо, что

гневаюсь я весьма недолго — *irasci celerem tamen ut placabilis essem*¹. Я зря потерял время, осыпая ее бранью, силы которой она не поняла, и со всей очевидностью доказывая, что она дура; она же не отвечала ни слова, и доводы мои пропали впустую. Я решился переписать снова — в дурном расположении духа, а стало быть, очень скверно, все, что в добром расположении написал, должно быть, довольно хорошо; но пусть читатель мой утешится: он, как в механике, потратив более силы, выиграет во времени.

Итак, сошедши в Орсаре в ожидании, пока погрузят балласт в недра нашего корабля, чья чрезмерная легкость мешала сохранять благоприятное для плавания равновесие, я заметил человека, который, остановившись, весьма внимательно и с приветливым видом меня разглядывал. Уверенный, что то не мог быть кредитор, я решил, что наружность моя привлекла его интерес, и, не найдя в том ничего дурного, пошел было прочь, как тут он приблизился ко мне.

— Осмелюсь ли спросить, мой капитан, впервые ли вы оказались в этом городе?

— Нет, сударь. Однажды мне уже случалось здесь бывать.

— Не в прошлом ли году?

— Именно так.

— Но тогда на вас не было военной формы?

— Опять вы правы; однако любопытство ваше, я полагаю, несколько нескромно.

— Вы должны простить меня, сударь, ибо любопытство мое рождено благодарностью. Вы человек, которому я в величайшей степени обязан, и мне остается верить, что Господь снова привел вас в этот город, дабы обязательства мои перед вами еще умножились.

— Что же такого я для вас сделал и что могу сделать? Не могу взять в толк.

¹ Гневаться скорый, однако легко умиряться способный (Гораций Послания. Кн. 1, 20, 25. Пер. Н. С. Гинцбурга).

— Собогаволите позавтракать со мною в моем доме — вон его открытая дверь. Отведайте моего доброго *рефоско*, выслушайте мой короткий рассказ и убедитесь, что вы воистину мой благодетель и что я вправе надеяться на то, что вернулись вы сюда, дабы возобновить свои благодеяния.

Человек этот не показался мне сумасшедшим, и я, вообразив, что он хочет склонить меня купить у него *рефоско*, согласился отправиться к нему домой. Мы поднимаемся на второй этаж и входим в комнату; оставив меня, он идет распорядиться об обещанном прекрасном завтраке. Кругом я вижу лекарские инструменты и, сочтя хозяина моего лекарем, спрашиваю его о том, когда он возвращается.

— Да, мой капитан, — отвечал он, — я лекарь. Вот уже двадцать лет живу я в этом городе и все время бедствовал, ибо ремесло свое случалось мне употреблять разве лишь на то, чтобы пустить кровь, поставить банки, залечить какую-нибудь царапину либо вправить на место вывихнутую ногу. Заработать на жизнь я не мог; но с прошлого года положение мое, можно сказать, переменилось: я заработал много денег, с выгодою пустил их в дело — и не кто иной, как вы, благодетели вас Господь, принесли мне удачу.

— Каким образом?

— Вот, коротко, как все случилось. Вы наградили известною хворью экономку дона Иеронима, которая подарила ее своему дружку, который, как подобает, поделился ею с женой. Жена его, в свой черед, подарила ее одному распутнику, который так славно ею распорядился, что не прошло и месяца, как под моим владычеством было уже с полсотни клиентов; в последующие месяцы к ним прибавились новые, и всех я вылечил — конечно же за хорошую плату. Несколько больных у меня еще осталось, но через месяц не будет и их, ибо болезнь исчезла. Увидев вас, я не мог не возрадоваться. В моих глазах вы стали добрым вестником. Могу ли я надеяться, что вы пробудете здесь несколько дней, дабы болезнь возобновилась?

Насмеявшись вдоволь, я сказал ему, что нахожусь в добром здравии, и он заметно огорчился. Он предупредил, что по возвращении я не смогу похвалиться тем же, ибо страна, куда я направляюсь, в преизбытке богата дурным товаром, от которого никто так не умеет избавиться, как он. Он просил рассчитывать на него и не верить шарлатанам, которые станут предлагать свои лекарства. Я пообещал ему все, что он хотел, поблагодарил его и вернулся на корабль.

Я рассказал эту историю г-ну Дольфину, и он смеялся до упаду. Назавтра мы подняли парус, а спустя четыре дня пертерпели за Курцолою жестокую бурю. Буря эта едва не стоила мне жизни, и вот каким образом.

Служил на корабле нашем капелланом священник-славянин, большой невежда, наглец и грубиян, над которым я по всякому поводу насмеялся и который питал ко мне справедливую вражду. В самый разгар бури расположился он на палубе с тревником в руках и пустился заклинать чертей, что виделись ему в облаках; он их показывал всем матросам, а те, решив, что от гибели не уйти, плакали и в отчаянии забыли совершать маневры, необходимые, чтобы уберечь корабль от видневшихся справа и слева скал. Я же, видя со всей очевидностью зло и пагубное действие, какое оказывали заклинания этого священника на отчаявшуюся команду, которую, напротив, следовало ободрить, весьма неосторожно решил, что мне надобно вмешаться. Вскарабкавшись сам на ванты, я стал побуждать матросов неустанно трудиться и небрежью опасностью, объясняя, что никаких чертей нет, а священник, их показывающий, безумец; однако ж сила моего красноречия не помешала священнику объявить меня безбожником и восстановить против меня большую часть команды. Назавтра и на третий день ветер не унимался, и тогда этот бесноватый внушил внимающим ему матросам, что, покуда я остаюсь на корабле, буре не будет конца. Один из них приметил меня стоящим спиною у борта и, полагая, что настал благоприятный момент, дабы исполнить желание священника, ударом каната толкнул меня

так, что я непременно должен был упасть в море. Так и случилось. Помешала мне упасть лапа якоря, зацепившаяся за одежду. Мне подали помощь, я был спасен. Один капрал указал мне матроса-убийцу, и я, схватив капральский жезл, стал его бить смертным боем; прибежали другие матросы со священником, и я бы пропал, когда б меня не защитили солдаты. Явились капитан корабля и г-н Дольфин и, выслушав священника, принуждены были, дабы утихомирить чернь, дать обещание высадить меня на берег, как только представится к тому случай; но священник потребовал, чтобы я доставил ему пергамент, купленный у одного грека в Маламокко перед самым отплытием. Я уже и позабыл о нем — но так все и было. Рассмеявшись, я сразу же отдал пергамент г-ну Дольфину, а тот передал его священнику, каковой, торжествуя победу, велел принести жаровню и швырнул его на раскаленные угли. Прежде, нежели обратиться в пепел, пергамент этот в продолжение получаса корчился в судорогах, и сей феномен утвердил матросов в мысли, что тарабарщина на нем — от дьявола. Пергамент этот якобы имел свойство внушать всем женщинам любовь к своему владельцу. Надеюсь, читатель будет столь добр и поверит, что я нимало не полагался ни на какие приворотные зелья и купил пергамент этот за пол-экую только для смеха. По всей Италии и по всей Греции, древней и новой, попадаются греки, жиды и астрологи, что сбывают простофилям бумаги, наделенные волшебными свойствами; среди прочего — *чары*, чтобы сделаться неуязвимым, и мешочки со всякой дрянью, содержимое которых они именуют *домовым*. Весь этот товар не имеет никакого хождения в Германии, во Франции, в Англии и вообще на севере; но зато в странах этих впадают в иного рода обман, много более важный. Здесь ищут философский камень — и не теряют надежды.

Непогода улеглась как раз в те полчаса, что заняло сожжение моего пергамента, и заговорщики более не помышляли избавиться от моей особы. Через неделю весьма счастливого плаванья мы прибыли на Корфу. Отлично устроившись, отнес

я свои рекомендательные письма Его Превосходительству генералу-проведитору, а после — всем морским офицерам, к кому получил рекомендации. Засвидетельствовав свое почтение полковнику и всем офицерам полка, я уже не помышлял ни о чем, кроме развлечений, до самого прибытия кавалера Венье, который должен был ехать в Константинополь и взять меня с собою. Прибыл он к середине июня, и до того времени я, пристрастившись к игре в бассет, проиграл все свои деньги и продал либо заложил драгоценности. Такова участь всякого, кто склонен к азартным играм, — разве только он одолеет себя и сумеет играть счастливо, доставив себе истинное преимущество расчетом или умением. Разумный игрок может пользоваться и тем и другим, не пятная себя жульничеством.

Во весь месяц, проведенный на Корфу до прибытия балио, я нимало не изучал ни местной природы, ни местных нравов. Если не нужно было идти в караул, я дни напролет проводил в кофейне, ожесточенно сражаясь в фараон и, конечно же, усугубляя беду, которую упорно стремился презреть. Ни разу не воротился я домой, утешаясь выигрышем, и ни разу не достало у меня силы бросить игру, доколе, спустив деньги, я сохранял еще векселя. Я получал одно лишь дурацкое удовлетворение: всякий раз, как бывала бита решительная моя карта, сам банкомет называл меня «отличным игроком».

Пребывая в столь прискорбном положении, я, казалось, воскрес, когда выстрелы пушек возвестили о прибытии балио. Он приплыл на «Европе» — военном корабле с семьюдесятью двумя пушками на борту, одолевшим путь из Венеции всего за неделю. Едва бросив якорь, он поднял флаг командующего морскими силами Республики, а генерал-проведитор свой флаг приспустил. В Венецианской республике нет морского чина выше балио в Оттоманской Порте. Свита у кавалера Венье была изысканная. Удовлетворяя свое любопытство, его сопровождали в Константинополь граф Аннибале Гамбера и граф Карло Дзенобио, оба — венецианские дворяне, и маркиз д'Аркетти, дворянин из Бреши. В ту неделю, что балио и кортеж его